

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-439-450

Периферизация староосвоенности российских регионов*

А.М. Никулин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: harmina@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой обзорную рецензию на книгу «Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность», подготовленную коллективом авторов под научной редакцией Т.Г. Нефедовой и А.В. Старикова (М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 379 с.). Рецензируемая книга стала результатом многолетнего исследовательского проекта «Развитие районов старого освоения в условиях социально-экономической поляризации и сжатия освоенного пространства Европейской России», поддержанного Российским научным фондом в 2019–2021 годы. Авторы книги отмечают, что настало время отказаться от нереалистичных деклараций дальнейшего освоения всех просторов страны и обратиться к переосмыслению значения староосвоенных российских регионов и возможностей их реосвоения на основе накопленного ими культурного наследия и человеческого капитала. В фокусе исследования находятся два макрорегиона Российской Федерации — Центральная Россия и Урал. Исследование является полимасштабным и междисциплинарным, сочетает разнообразные количественные и качественные методы социальных наук. Несмотря на констатацию того, что сегодня наблюдается дальнейшая поляризация и сжатие освоенных российских пространств, авторы находят много подтверждений возможностей самоорганизации и устойчивого развития староосвоенных регионов на благо всей страны.

Ключевые слова: староосвоенные регионы; экономические реформы; пространственная поляризация; центр и периферия; человеческий капитал

Рецензируемая книга представляет собой комплексное социально-экономическое исследование регионов срединной полосы России, в основном расположенных внутри обширного треугольника, условными вершинами которого являются на Западе — Санкт-Петербург, на Востоке — Тюмень, на Юге — Белгород. По мнению авторов, в этой пространственной конфигурации находится основной ареал староосвоенных районов страны. Признавая понятие староосвоенности достаточно дискуссионным [5], авторы дают такое его определение: «Староосвоенные районы — это территории, где сохранились артефакты и ментифакты освоения прошлых исторических периодов. Их пласты накладывались друг на друга, но так, что накопленные до-

* © Никулин А.М., 2022

Статья поступила 20.01.2022 г. Статья принята к публикации 15.04.2022 г.

стижения и проблемы заметны до сих пор. Они зачастую продолжают влиять и на современную жизнь в виде культурного наследия, сложившейся структуры расселения, местных традиций, накопленных основных фондов и т.д. При этом «старость» освоения — понятие условное. Возраст староосвоенных районов может составлять и десятки, и сотни, и тысячи лет» (С. VII). Под артефактами обычно подразумеваются различные продукты творческой деятельности человека, а под ментифактами (или психофактами) — общие идеи, ценности и убеждения культуры, включающие в себя религию, язык и идеи. Таким образом, староосвоенные регионы в значительной степени насыщены напластованиями артефактов и ментифактов, в российских условиях часто «неустаканивавшимися», причудливым образом остающимися актуальными, парадоксально влияющими на современное развитие.

Но почему авторов заинтересовали именно староосвоенные регионы России — с ее просторами новоосвоенных, недоосвоенных и совсем неосвоенных территорий? [4]. Потому что староосвоенные пространства в последние десятилетия становятся центрами притяжения и концентрации населения России. Потому что, вопреки всем декларациям и стратегиям пространственного развития страны, при нынешних социальных институтах и условиях происходит сжатие и поляризация освоенного пространства — около 60 % населения страны проживает на 5 % ее территории. Наконец, потому что в староосвоенной части России находится «ядро формирования великорусского народа, колыбель его государства, вместилище столиц, средоточие населения и деятельности, памятников и центров культуры» (С. 8). При этом авторы подчеркивают, что, хотя по объему валового регионального продукта эта срединная часть проигрывает многим странам Европы и даже некоторым европейским и азиатским районам России, концентрация в ней населения и капиталов определяет ее устойчивое лидерство в потребительских и других секторах экономики. К тому же ее человеческий капитал является по-прежнему важнейшим фактором всего российского развития. Несмотря на сравнительно небольшую площадь российской староосвоенности, проблемы пространственной неравномерности ее развития не менее острые, чем во многих северных и восточных районах России.

Исследование, осуществленное в книге полимасштабно — восходит от анализа отдельных локальных кейсов (сельских поселений и малых городов) к комплексному изучению двух групп старопромышленных районов — в Центральной России и на Урале. Исследование основано на применении междисциплинарных методов — это количественные данные по муниципальным образованиям, результаты дешифрирования космических снимков, полевые материалы, собранные качественными методами в ряде районов России. Наконец, книга насыщена визуально-аналитической информацией — статистическими таблицами и графиками, картами и схемами, рисунками и фотографиями.

На протяжении книги авторы ищут ответы на ряд важнейших вопросов: «Как влияет длительность и характер освоения, смена его стадий на состояние городов и районов, культурных ландшафтов? В чем специфика современного периода? Почему социально-экономические контрасты в зоне старого освоения нарастают? В чем состоят ключевые проблемы их развития и как можно (нельзя) их решать? Какие ареалы заслуживают более детального анализа?» (С. 9). Эти вопросы соотносятся с констатацией текущего пространственного развития России с ее усиливающимся межрегиональным неравенством, внутрирегиональным социально-экономическим расслоением, сжатием освоенных пространств по направлению к главным центрам страны, социальным опустошением давно заселенных районов, что усиливает контрасты и отставание большинства сельских территорий и малых городов по уровню и качеству жизни населения от крупных центров.

Книга состоит из шести частей. В первой, во многом теоретической, части, распадающейся на две главы, исследуется староосвоенность — как аналитический конструкт с особенностями идеологического восприятия староосвоенных районов в советское и постсоветское время. Вторая часть, состоящая из пяти глав, характеризует социально-экономические трансформации России в XX и XXI века и траектории староосвоенных территорий в динамике волн индустриализации и этапов урбанизации. Здесь же анализируются хронологические этапы сельского расселения и география сельского хозяйства, изменения институциональных условий и особенности пространственной мобильности населения. Третья часть с ее шестью главами посвящена центральным районам России: особенно подробно исследуется пристольичное Нечерноземье, хотя для сравнения упоминаются северо-западные и черноземные регионы. По данным муниципальной статистики и картографирования дешифрованных космических снимков анализируются изменения в расселении и депопуляции сельских районов, фиксируются зоны заброшенных и обрабатываемых земель, постсоветские тренды в организации животноводства. Отдельная глава освещает вопросы дачного освоения сельских территории не только в пригородных зонах, но и в удаленных районах глубинки — в российской науке это актуальная тема [1]. Также отдельная глава посвящена проблемам сохранения культурного наследия русской провинции в условиях ее пространственной поляризации.

Самая обширная четвертая часть состоит из девяти глав. В ней представлены полевые и статистические исследования отдельных регионов, муниципальных районов и городов Центральной России. Часть начинается со статистического анализа муниципальных образований по двум географическим профилям, напоминающим на карте ножницы: первый — от Ленинградской области через Москву до южных районов Тульской области, второй — от Юга Калужской области через Москву до Ярославской и Костромской областей. Эта модель позволила показать контрасты социально-экономического разви-

тия пристоличного Нечерноземья по разным параметрам. Главный движитель развития — Московский столичный регион — рассмотрен в отдельной главе с учетом околостоличных центров экономического роста в специфике миграций населения Москвы и Подмосковья. Северо-восточный сектор исследовался еще более тщательно — на уровне сельских поселений и предприятий. На примере Ярославской области демонстрируются причины, направления и последствия разных видов мобильности населения, а также возможные методы ее изучения. Полимасштабные исследования Костромской области также доходят до уровня отдельных муниципальных образований и деревень. Особая глава посвящена культурно-экономическим проблемам малых городов в контексте кризиса монопрофильности и местных инициатив. Заключительная глава этой части посвящена влиянию последнего пандемийного года на расселение и процессы дезурбанизации в ряде обследованных муниципальных образований.

Пятая часть с ее четырьмя главами описывает староосвоенные регионы Урала. Отдельная глава характеризует города Северного Урала, другая — районы Среднего Урала от Нижнего Тагила до Челябинска. Наконец, преимущественно равнинные территории за Уралом, к юго-востоку от Челябинска и в Курганской области, также описаны в особой главе. В этой части анализируется значение главных городских центров и малых промышленных городов-заводов, влияние крупных корпораций на экономическую и экологическую поляризацию Уральского региона. В заключение рассматривается специфика развития некоторых сельских уральских староземледельческих районов.

В шестой части книги осуществлен пространственный синтез результатов исследования — от западных границ через центр к Уралу: дается характеристика социально-экономического состояния городов, городских округов и муниципальных районов, а также пространственно-дифференцирующих факторов; выделены типы муниципальных образований на основе сочетания разных показателей муниципальной статистики. Причем этот анализ проведен не только на основе официальной статистики Росстата, но и на основе собственных расчетов и исследований.

Тщательное многомерное изучение истории и современности староосвоенных районов с многочисленными примерами из полевых исследований дало авторам возможность сформулировать в заключении книги впечатляющий набор аналитических выводов. Так, пространственное сжатие как страны в целом, так и ее староосвоенных регионов стимулируется концентрацией управленческо-экономической деятельности с востока на запад и с севера на юг, от периферий к крупным центрам и пригородам с сохранением на периферии лишь отдельных очагов социально-экономической жизнедеятельности. Эти пространственные градиенты развития во многом коренятся в истории освоения обширных российских пространств, разнообразии их природных

условий, особом значении крупных городов и их разреженном местоположении (в сравнении с большинством стран Запада). Исторические результаты развития староосвоенных районов в основном связаны с четырьмя видами пространственных различий: природно-зональными; макрорегиональными (особенно между центром, центрально-черноземными районами, Поволжьем и Уралом); межрегиональными (с их экономической, этнической, сельско-городской спецификой); внутрорегиональными градиентами, связанными с неравномерностью развития под влиянием крупных городов. Все эти эндогенные факторы организации пространства России (природные предпосылки, исторические особенности расселения, различия между пригородами и периферией регионов), чрезвычайно устойчивы и часто мало восприимчивы к политическим и институциональным инновациям.

При этом диапазон экономических показателей и условий жизни даже на малых дистанциях пространственной староосвоенности может быть удивительно обширным. Тем более что в постсоветский период экономическая поляризация усугубила контрасты между центрами и перифериями, крупными и малыми городами, райцентрами и селами. Общим итогом поляризации староосвоенных районов к настоящему времени стало «уплотнение» пространства, прежде всего, по мере приближения к Москве и к другим мегаполисам. Это тяготение к центрам стало препятствием для устойчивого развития не только староосвоенной части, но и всей страны. Авторы констатируют, что речь идет о продолжающейся обширной инволюции с явными признаками депопуляции и истощения человеческого капитала даже в большинстве староосвоенных регионов.

Тревожен один из основных и принципиальных выводов книги: «Социально-экономическая поляризация староосвоенных районов связана и со спецификой современных российских институтов, которые, возможно, сами того не желая, эту поляризацию усиливают. Преобразование муниципальной структуры в последние десятилетия в отрыве от естественных предпосылок организации пространства и исторически сложившегося расселения усиливает процессы поляризации, способствуя лишь более централизованному и далекому от нужд населения управлению. Для большинства районов первостепенен недостаток средств и полномочий местных властей при современной бюджетной политике. Угроза обвинений в “нецелевом расходовании средств” при попытках решить самые насущные и порой неожиданные проблемы убивает инициативу на местном уровне и стимулирует активных людей к отъезду» (С. 356).

В сельском хозяйстве наблюдается аналогичная картина усиления регионального неравенства, тем более что, в отличие от советского, современное российское сельское хозяйство — динамично развивающийся и модернизирующийся сектор экономики. Его кризис и реформирование в 1990-е годы привели к громадной концентрации производства в новых агрохолдинговых

структурах и одновременно к сжатию среднего звена предприятий. Подобная модернизация повысила производительность аграрного труда, стабилизировала продовольственное обеспечение городов, резко усилив при этом поляризационные аграрные контрасты. Сельское хозяйство в большинстве староосвоенных районов стало оазисным, очаговым, что привело к дезорганизации социально-экономической жизни многих сельских поселений исторического центра России — когда редкие новые корпуса крупных агропредприятий красуются посреди обширных пространств разрушенных ферм и полей, зарастающими лесом.

Из относительно положительных направлений аграрных преобразований авторы упоминают размещение новых агропромышленных комплексов в некоторых староосвоенных районах нечерноземной глубинки, но, как правило, с наилучшими природными условиями — например, в Ополье Нечерноземья или на границе Черноземья. Анализируя дешифрованные космические снимки, они отмечают отдельные процессы развития землепользования и животноводческих ферм в сельских регионах центральной России в сравнении с советским периодом. Впрочем, по мнению авторов, такие новые агропредприятия, как правило, «не укоренены» в сельской жизни — их головные офисы располагаются в крупных городах, при дефиците местной рабочей силы они часто используют труд иностранных мигрантов.

Авторы задаются чрезвычайно сложным вопросом, к которому подбирают неоднозначные варианты ответов: «Мы, исследователи, показываем лишь ход процессов и их возможные варианты с плюсами и минусами. Мы видим, что смена волн освоения, главных секторов экономики, а также стадий урбанизации в целом снижала устойчивость расселения, хотя и влияла на динамику его численности в разных районах по-разному. Помешать этому трудно в силу мощи процессов, подобных климатическим и тектоническим. Но является ли устойчивость территориальных структур благом, а изменчивость — злом? Однозначный ответ вряд ли возможен. Для неравновесных систем “застыть” — значит, скорее, деградировать. Здесь важнее темпы сдвигов и возможности экономики и населения к ним адаптироваться» (С. 357).

Где же искать выход в такой сложной и тревожной ситуации? По мнению авторов, необходимо обратить внимание, прежде всего, на культурный фактор в староосвоенных регионах: часто они обладают уникальным культурным наследием, доставшимся им от предыдущих широких волн освоения. Но, к сожалению, в условиях поляризации и сжатия пространства многие объекты культурного наследия на пустеющей периферии забрасываются и разрушаются. Впрочем, их сохранение представляет серьезную проблему даже в крупных центрах с их ближайшими пригородами, где им угрожает разрушительный натиск бизнеса, преобразующий культурные ландшафты в интересах сиюминутной выгоды. Во многом это касается и природных ландшафтов, но и здесь имеется специфика староосвоенности: «Многие

схемы социально-экологической поляризации построены на разделении используемой населенной территории и неиспользуемой природной — экологического резерва без или с минимумом населения. Так сложилось на огромных пространствах Сибири. Но в староосвоенных весьма доступных районах (даже при плохих дорогах) ситуация не столь проста. Без социального контроля природные ресурсы сплошь и рядом эксплуатируются хищнически, что показывают примеры опустевших районов Костромской, Тверской, Вологодской и других областей. Леса нещадно вырубаются, периодически горят, а бывшие поля и леса зарастают сорной малоценной растительностью. Это часто оборачивается не экологическим раем, а разрухой, появлением диких и опасных ландшафтов» (С. 357).

К интересным выводам исследования следует отнести и утверждение, что изменение уровня освоенности в последнее время примерно соответствует тому пути, по которому она раньше расширялась, т.е. запустение пошло вспять по следам былой экспансии, сжимаясь к городам. Региональные столицы благодаря прогрессу транспорта и связи «сближаются» с Москвой и друг с другом, расширяя свои пригороды, но вокруг них расширяется инволюционная глубинка. В результате такой поляризации пространства истончаются промежуточные полупригородные и полупериферийные зоны. По мнению авторов, чтобы эта фатальная колея расширения периферизации не углублялась (радикальные задачи ее преодоления в исследовании не ставятся), требуется поддержка любых форм среднего и малого бизнеса и сохранение транспортной и социальной инфраструктуры там, где осталось местное население, куда стремятся приехать дачники.

Конечно, для противостояния расширению периферизации следует развивать и укреплять муниципальный уровень, но пока здесь не столько демография, сколько фискальная политика централизации оказывается особенно разрушительной для низовых возможностей самоуправления и самоорганизации. Как на депопулировавшихся, так и на перенаселенных территориях разрушаются исторически сложившиеся местные системы расселения, в то время как новые укрупненные центры муниципальных образований все равно маломощны и не в состоянии организовать устойчивую среду для местного развития. Так нарушается преемственность староосвоенности, отмирают «корни» местного самоуправления. «В России всегда на слуху и активно обсуждаются проблемы Крайнего Севера и Востока страны, ведь там, в отличие от старых районов, есть ресурсы для нового освоения. Хотя слово “отличие” надо ставить в кавычки. Разве ресурсы — это только нефть, газ, алмазы, золото? А земля, среднерусские ландшафты, их природа и артефакты исторического наследия и, главное, люди никому не нужны?» (С. 358).

По мнению авторов, люди как ценнейший природно-культурный ресурс староосвоенности прежде всего необходим миллионам дачников и туристов из крупных городов. Этой многомиллионной волной рекреационно-дачного

движения в деревню могла бы заинтересоваться и экономика, вкладываясь в создание современной сельской инфраструктуры. Но пока реальное население сельской местности и пригородов во многих районах периферии в дачный сезон и в праздники возрастает в разы, создавая параллельную, неформальную сеть пульсирующего расселения, не учитываемую статистикой. В этой сети создаются неформальные рабочие места как для россиян, так и для мигрантов, возникает малый бизнес, обслуживающий садовые и дачные поселки. Иными словами, в книге ставится вопрос о дачной экономике, сохраняющей трудовой потенциал сельской местности, но, с другой стороны, тормозящей дезурбанизацию западного типа. При этом опросы местного и дачного населения в разных регионах староосвоенности свидетельствуют, что большинство дачников, живущих летом в сельской местности, больше всего стремятся к сохранению местных традиций и памятников природы и культуры.

Хотя главный локомотив развития России — Московская агломерация, но и в ней авторам удалось обнаружить существенные центрально-периферийные различия. Здесь промышленность и сельское хозяйство под натиском быстро растущих городских кварталов и торгово-развлекательных логистических центров отодвигаются в удаленные районы Подмосковья, где у них возникают конфликты с дачно-рекреационным движением.

Детально исследованная в книге Ярославская область — характерный пример симбиоза исторических традиций с советской индустриализацией. Этой области также присуще более-менее динамичное развитие центра и отдельных райцентров, абсорбирующих инвестиции, часто поступающие из Москвы. Тем временем между ярославским центром и некоторыми успешными райцентрами расширяются и углубляются ареалы хозяйственного и социального опустынивания с вкраплениями относительно нового дачного сельского освоения территорий. Еще драматичнее пространственная поляризация проявляется в Костромской области, где костромская юго-западная окраина еще сохраняет остатки славного старо-текстильного прошлого времен ранней индустриализации и урбанизации, в то время как костромское Заволжье («Костромская Сибирь») остается природно-ресурсной сферой почти исключительно для лесопромышленного комплекса. И здесь авторы обращают внимание на некоторые возможности симбиоза очагового сельского и массового лесного хозяйства с дачным существованием горожан, часто и москвичей. В таких медвежьих углах «малые» повседневные дела местных сообществ имеют более важное значение, чем некоторые крупные проекты центральных регионов.

Малые города также наглядно доказали разнообразие локализации национальных и региональных трендов освоения и реосвоения наследия староосвоенности. Глубинное погружение в жизнь трех городов (Ростов Великий, Тейково и Боровичи) убедительно продемонстрировало, что советская форсированная индустриализация обусловила нынешний структурный кри-

зис с потерей влияния на жизнь этих городов их главных градообразующих предприятий. В этих условиях особое значение имеют местные культурные инициативы, сохраняющие и развивающие историческое наследие, стиравшееся политикой советской и постсоветской унификации [6]. Именно в малых городах огромную роль играют личности, особенно союзы единомышленников — толковых и квалифицированных руководителей муниципалитетов с энтузиастами развития локальной культуры.

Обращаясь к Уральскому региону, в том числе к Зауралью, авторы отмечают относительную молодость уральской староосвоенности, для которой, впрочем, также характерна временная волнообразность освоения — разные освоенческие исторические пласты, сменяя друг друга, как бы возвращаются со следующей волной, и даже в разрушительных и длительных кризисах наследие предыдущих волн не исчезает бесследно. Так, на Урале старинную черную металлургию сменяли отрасли выплавки меди и добыча золота, а, угасая, они уступали место возрождаемой черной металлургии, но затем снова вперед выходили отрасли, связанные с цветной металлургией. Авторы подчеркивают, что основное отличие староосвоенных районов Урала от центра страны — опора на разнообразные природные горные ресурсы, что предопределило высокую долю в уральской экономике добычи сырья и продукции его первого передела. На Урале исторически локомотивом развития был крупный сырьевой бизнес, ориентированный в значительной степени на экспорт. И до сих пор на Урале крупные горно-металлургические корпорации в значительной степени контролируют жизнь городов и целых районов.

В современной Уральской регионалистике наблюдаются существенные особенности развития. Север Свердловской области, достигнув пика стремительного развития полвека назад, теперь находится в сложной ситуации. Его черная металлургия еще по инерции функционирует, в то время как отрасли цветной металлургии почти полностью демонтированы. На смену местной металлургии пытаются прийти отрасли машиностроения и деревообработки, приобретая статус градообразующих отраслей, но и их состояние неустойчиво. Остается надеяться, что города Северного Урала, в истории неоднократно находя возможности выхода из кризиса, и сегодня уловят импульсы развития.

Тем временем в районах Среднего Урала господствуют постсоветские тренды концентрации экономики, прежде всего, в местах с лучшими конкурентными преимуществами. В результате возрастает мощь крупнейших центров и агломераций, прежде всего Екатеринбурга и Челябинска, что сопровождается потерей населения и упадком экономики большинства остальных, в основном депрессивных, территорий. В этом Средний Урал схож с Центральной Россией, где Екатеринбург является уменьшенным аналогом Москвы, привлекающим мигрантов и ресурсы не только внутри своей области, но и из окрестных регионов, прежде всего Челябинской области и Пермского края. Авторская реконструкция новейшей истории эволюции отдельных

городов показывает, что усиливается роль промышленной специализации и зависимость большинства районов от химических и металлургических предприятий, входящих в состав крупнейших компаний. Исключение составляют города с градообразующими предприятиями оборонно-промышленного комплекса. В целом экономическая поляризация и экологические контрасты на Урале проявляются, пожалуй, даже резче, чем в Центральной России. При этом парадоксальным образом Средний Урал в экологическом смысле является собой причудливую мозаичную композицию опасных очагов загрязнения с обширными пространствами относительно чистой и исключительно живописной природы.

На юго-востоке от Челябинска авторы обследовали пограничную зону длительного взаимодействия оседлых и кочевых культур лесостепи. Эта почти равнинная территория (Южный Урал, Южное Зауралье, Юго-Западная Сибирь) запечатлела несколько волн освоения, которые при устойчивости географических структур причудливым образом предопределяли различия в развитии населенных мест. Здесь изначальные пункты оборонительных линий российской государственности в дальнейшем меняли милитаристскую специализацию на аграрную и торговую-транспортную. Советская индустриализация расширила шахтную добычу, дополнив ее эвакуацией оборонных предприятий во время войны. В постсоветские времена территория между Челябинском и Тюменью оказалась в невыгодных экономических условиях, но наблюдаются и исключения, противостоящие депрессии, зависящие от уникального экономико-географического положения, ниш экономической специализации, историко-культурного наследия.

Чрезвычайно интересен опыт систематизации и типологизации муниципальных образований от западных границ через центр до Урала и ближнего Зауралья. Эта типология призвана выявить особенные сочетания характеристик муниципальных образований, отражающих исторические и современные преимущества и ограничения их развития. В основу типологии положена диагностика социально-экономического положения муниципалитетов и анализ факторов, на него влияющих (историко-природные основы, географическое положение и др.). Созданная в разрезе муниципальных образований коллекция карт демонстрирует, что роль больших городов (зоны их влияния на окружающие территории) зависит не только от размеров городов, но и от других условий, таких как природные ландшафты, исторические и этнические особенности расселения, специфика урбанизированности и экономическая специализация (в русле [3]).

Свою книгу авторы завершают следующим утверждением: «Как известно, новое — еще не синоним хорошего, а старое не обязательно означает плохое. Староосвоенные районы с их наследием и нередко со второй, третьей, четвертой по счету молодостью по-своему подтверждают эту истину. Их нуж-

но знать, понимать и — не побоимся этого слова — уважать больше, чем новые районы, хотя бы самые перспективные» (С. 362).

Признаем, что авторы проявили глубокую любознательность в постижении феномена староосвоенности, а также высокую квалификацию, применяя междисциплинарную батарею методов — от дешифровки космических снимков до феноменологических интерпретаций глубинных интервью — к изучению обширных российских пространств. Их вывод достаточно однозначен — в подавляющем большинстве российских староосвоенных регионов по-прежнему нарастают и усиливаются тенденции поляризации центра–периферии, что в полной мере проявляется в двух макрорегионах исследования — в Центральной России и на Урале. К сожалению, авторы не затронули вопрос провинциальной региональной кооперации в сельских староосвоенных районах [2]. Новейшая тенденция периферизации даже староосвоенных регионов свидетельствует о политэкономической косности господствующего механизма государственного и муниципального управления (мерами централизации всего и вся), стремящегося контролировать центрально-периферийные перекосы пространственного развития, но часто лишь их усугубляющего.

Тем не менее, от прочтения книги не возникает ощущения уныния и невозможности преодолеть дальнейшую периферизацию России. Главная причина такого оптимизма — убедительная демонстрация того факта, что волны периферийного распада часто проявляли себя и в историческом прошлом российских регионов, но большинство из них находили силы для выработки новых направлений развития. Кроме того, в книге приведено много примеров успешных муниципальных, предпринимательских, активистских местных инициатив, которые свидетельствуют, что борьба за использование ресурсов староосвоенности для устойчивого развития регионов еще только начинается.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. *Аверкиева К.В.* Пора валить в деревню. По материалам круглого стола на форуме «Устойчивое развитие сельских территорий» // *Крестьяноведение*. 2021. Т. 6. № 1.
2. *Божков О.Б., Никулин А.М., Полещук И.К.* Сельская кооперация в северном Нечерноземье: официальные и неформальные практики // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2020. Т. 20. № 4.
3. *Виноградская О.Я.* Осмысление итогов земельной реформы 1990-х годов: тридцать лет спустя // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2022. Т. 22. № 1.
4. Дискуссия по докладу Т.Г. Нефедовой «Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России» // *Крестьяноведение*. 2021. Т. 6. № 1.
5. Староосвоенные районы: генезис, исторические судьбы, современные тренды развития / Под ред. В.Н. Стрелецкого. М., 2019.
6. *Троцук И.В.* Новый взгляд на старые проблемы российской периферии // *Крестьяноведение*. 2022. Т. 7. № 1.

7. Троцук И.В. «...Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...» // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1.
8. Троцук И.В. Социальные аспекты российской географии: новый виток наблюдений за трансформациями межстоличного пространства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-439-450

Peripherization of the old-developed Russian regions*

A.M. Nikulin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: harmina@yandex.ru)

Abstract. The article is a review of the book *Old-Developed Regions in the Sociogeographic Space of Russia: History and Contemporaneity* prepared by a team of authors under the scientific editorship of T.G. Nefedova and A.V. Starikov (Moscow: Association of Scientific Publications KMK, 2021. 379 p.). The book is the result of the long-term research project “Development of the old-developed areas under the social-economic polarization and shrinkage of the developed space in European Russia” supported by the Russian Science Foundation in 2019–2021. The authors of the book note that it is time to abandon unrealistic declarations about the further development of all regions of the country, and to start rethinking the significance of the old-developed Russian regions and the possibilities of their re-development on the basis of their accumulated cultural heritage and human capital. The research focuses on two macro-regions of the Russian Federation — Central Russia and the Urals. The study is multiscale and interdisciplinary, it combines a variety of quantitative and qualitative methods of social sciences. Despite the statement that there is a further polarization and shrinkage of the developed Russian spaces, the authors find many confirmations of the possibilities of self-organization and sustainable development in the old-developed regions for the benefit of the whole country.

Key words: old-developed regions; economic reforms; spatial polarization; center and periphery; human capital

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

*© A.M. Nikulin, 2022

The article was submitted on 20.01.2022. The article was accepted on 15.04.2022 г.